

ЯЗЫК
СЕМИОТИКА
КУЛЬТУРА

Р. Л. Красильников

ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Роман Красильников

**Танатологические мотивы в
художественной литературе.
Введение в литературоведческую
танатологию.**

«Языки Славянской Культуры»

2015

УДК 82.0
ББК 83

Красильников Р. Л.

Танатологические мотивы в художественной литературе. Введение в литературоведческую танатологию. / Р. Л. Красильников — «Языки Славянской Культуры», 2015

ISBN 978-5-94457-225-7

Монография представляет собой комплексное исследование функционирования танатологических мотивов в художественной литературе. Опираясь на богатые традиции изучения проблемы смерти в гуманитарной танатологии и литературоведении, автор выделяет специфическую область знания – литературоведческую танатологию, призванную выявлять и систематизировать танатологические элементы в литературе. Точкой отсчета для литературоведческих изысканий в этой сфере выбирается теория мотива, позволяющая сконцентрировать внимание на роли одного компонента текста в организации произведения, авторской творческой системы и даже исторически обусловленной художественной парадигмы. Логика исследования продиктована семиотическим подходом к мотивному анализу: изучаются семантика, синтактика и прагматика танатологических элементов. В контексте данных областей знака рассматриваются особенности репрезентации танатологических мотивов, их участие в организации сюжета, в создании образов персонажей, взаимодействие с различными художественными парадигмами, эстетическими категориями и т. д. Книга адресована филологам, философам, культурологам и всем, кто интересуется вопросами литературоведения и гуманитарной танатологии.

УДК 82.0

ББК 83

ISBN 978-5-94457-225-7

© Красильников Р. Л., 2015

© Языки Славянской Культуры, 2015

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	14
1.1. Становление гуманитарной танатологии	14
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Роман Леонидович Красильников
Танатологические мотивы в
художественной литературе (Введение
в литературоведческую танатологию)

© Р. Л. Красильников, 2015

© Языки славянской культуры, 2015

Предисловие

Даже высоко дисциплинированный разум может споткнуться при встрече (прямой или опосредованной) со смертью. Никакие ученые степени и профессиональные сертификаты в мире не гарантируют, что мы сможем размышлять о смерти открыто, тактично и бесстрастно [Kastenbaum 1972: IX].

В настоящее время в науке наблюдаются два разнонаправленных, но взаимообусловленных процесса, способствующих обогащению и развитию человеческого знания. С одной стороны, продолжается дифференциация науки, начавшаяся во второй половине XIX в. в русле позитивизма. Современный исследователь работает в одной или нескольких (всегда обозримых) сферах, интересуется одним или несколькими (всегда исчислимыми) объектами изучения. Таким образом, специализация ученых становится все более и более узкой. С другой стороны, примерно со второй половины XX в. происходит постоянная интеграция научного знания, усиливаются междисциплинарные связи. Естественнаучные исследования получают философское обоснование, занимаются поисками своего экзистенциального подтекста, а гуманитарные – стремятся стать прикладными, использовать исчисления и формулировать законы.

Признавая бесконечность горизонтов познания, как нам кажется, возможно остановиться на исследовании определенного круга тем, которые являются ключевыми для человечества. Например, французский историк Л. Февр писал о необходимости изучения всего «дюжины терминов», которые повлияли на формирование европейского сознания в Новое время [Февр 1991: 239]. В когнитивной лингвистике на выявление этого круга тем направлена работа по созданию словарей констант и концептов [Степанов 1997], в литературоведении – словарь-указателей сюжетов и мотивов [Daemmrich 1987; Frenzei 2005; Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы 2003; 2006; 2008].

Что это за темы и термины, константы и концепты, сюжеты и мотивы? Это устойчивые смыслы, «краеугольные камни» человеческой ментальности и жизнедеятельности, медленно трансформирующиеся в веках: «человек», «жизнь», «смерть», «любовь», «мир», «труд», «творчество», «природа», «культура», «общество», «мужчина», «женщина», «красота», «время», «пространство», «смех», «власть» и др. Многие из них уже изучаются в рамках специальных дисциплин: антропологии, эстетики, культурологии, социологии, гендерных исследований, кротологии и др.

Данная работа посвящена одной из этих тем – *теме смерти* – и одной из этих дисциплин – *танатологии*. Проблема смерти как одно из основных направлений онтологической рефлексии перманентно разрабатывалась в рамках философских штудий Сократа, Эпикура, Иоанна Дамаскина, Августина Блаженного, М. Лютера, Б. Паскаля, М. Монтеня, С. Кьеркегора, Г. В. Ф. Гегеля, Ф. Энгельса, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, М. Хайдеггера, К. Ясперса, А. Камю, Н. Федорова, Н. Бердяева и др. Во второй половине XIX–XX вв. это понятие вошло в научный оборот в естественных дисциплинах, в частности в медицине, благодаря исследованиям И. Мечникова, Г. Шора, А. Немилова, И. Шмальгаузена, З. Фрейда, С. Шпильрейна, В. Штекеля, Г. Фейфеля, Э. Кюблер-Росс, Р. Кастенбаума, Р. Айзенберга, Э. Шнейдмана, С. Грофа, А. Налчаджяна и др. Постепенно свою нишу в данной сфере нашли и представители гуманитарного знания: К. Клемен, Ф. Хуземан, В. Янкелевич, Ж. Бодрийяр, Ф. Арьес, М. Вовель, Т. Махо, К. Харт Ниббриг, Б. Бассейн, К. Гутке, А. Гуревич, И. Фролов, А. Демичев, П. Гуревич, В. Рабинович, М. Уваров, К. Исупов, А. Лаврин, С. Рязанцев, Д. Матяш, Т. Мордовцева, М. Шенкао, В. Варава, В. Сабиров, В. Стрелков, О. Суворова, В. Багдасарян, А. Гришков, С. Роганов и др.

Современная наука о смерти – танатология – междисциплинарна и охватывает многие области знания. Однако кончина человека настолько таинственна, что при ее исследовании не существует приоритета естественных наук, скорее наоборот – *на передний план выходят гуманитарные дисциплины*, которым приходится постоянно заниматься проблемами иррационального и ирреального характера, в том числе литературоведение.

Литературоведение обладает мощной исследовательской традицией, сформировавшимся терминологическим аппаратом и методологической базой. Оно способно предоставить танатологии – молодой дисциплине – свой опыт решения научных проблем. Так на нашу работу в целом повлияли теоретические и историко-литературные труды Аристотеля, Э. Ауэрбаха, В. Жирмунского, В. Шкловского, Б. Томашевского, Ю. Тынянова, Б. Эйхенбаума, О. Фрейденберг, М. Бахтина, Д. Лихачева, Я. Мукаржовского, Г. Пospelова, И. Волкова, Р. Барта, Г. Маркевича, Ю. Лотмана, Е. Фарыно, М. Полякова, Г. Гачева, В. Топорова, Е. Мелетинского, Г. Косикова, В. Хализева, О. Клинга, Л. Чернец, А. Эсалнек, Е. Рудневой, М. Лазаревой, Н. Тamarченко, В. Тюпы, Ю. Орлицкого, И. Силантьева, Ю. Доманского, Ю. Борева, С. Зенкина, С. Кормилова, Л. Колобаевой, М. Михайловой, Н. Солнцевой, М. Голубкова, В. Мескина, Ю. Бабичевой и др. В итоге на стыке танатологии и литературоведения возникло исследование в особой междисциплинарной области – *литературоведческой танатологии (танатологическом литературоведении)*.

Художественная литература является одним из основных источников танатологической информации; основанная на авторском вдохновении и откровении, она позволяет услышать отголоски танатологического опыта прошлых поколений, примерить на себя различные модели отношения к смерти и потустороннему миру. Литературоведческая танатология стремится выявить эти отголоски, сформулировать их и дать им хоть какое-то объяснение, не стесняясь «неокончателности» выводов, так как других выводов в танатологии практически не существует. Определенный опыт подобных научных исследований уже имеется, и он связан с такими значительными в литературоведении именами, как П. Бицилли, М. Бланшо, Ф. Хофман, М. Бахтин, В. Казак, Х. и И. Дэммих, Ю. Лотман, В. Топоров, В. Киссель, А. Ханзен-Леви, О. Постнов и др.

Вместе с тем литературоведение представляет собой обширную диверсифицированную область знаний, и в рамках одной работы невозможно применить к танатологическим проблемам абсолютно весь литературоведческий инструментарий. В качестве пункта отсчета, опоры в нашем исследовании мы избрали теорию мотива, которая удобна с нескольких точек зрения. Во-первых, понятие мотива в широком смысле охватывает любой литературный элемент, не ограничивая исследователя. Во-вторых, в узком смысле оно обозначает семан-тико-структурный компонент, который участвует в организации самых различных уровней произведения, в первую очередь содержания, нарративной структуры, сюжета, персонажной, пространственно-временной сфер. В-третьих, мотив является знаковым элементом, что позволяет рассматривать его с семиотической точки зрения: его семантику, репрезентацию, син-тактику (синтагматику), парадигматику, прагматику. В-четвертых, он имеет «дихотомиче-скую» [Силантьев 2004: 47] природу и подходит для структурных гипотез, основанных на различении инварианта и его вариаций. На наш взгляд, именно структурализм (как школа и как метод) с его поиском закономерностей в текстах разного рода вывел гуманитарное знание на новый уровень научности. Наконец, теория мотива и мотивного анализа очень хорошо раз-работана и позволяет в той или иной степени опираться на труды А. Веселовского, В. Проппа, А. Беми, Б. Томашевского, Р. Барта, К. Леви-Стросса, А. Скафтымова, Б. Путилова, Г. Крас-нова, Дж. Кавелти, Н. Тamarченко, И. Силантьева и др.

Следовательно, *актуальность* данного исследования обусловлена несколькими факто-рами, важными для современного литературоведения: обращением к танатологической про-

блематике, использованием разработок в области теории мотива, структурного и семиотического анализа.

Безусловно, литературоведы уже не раз писали о танатологических¹ мотивах. Преимущественно это были историко-литературные статьи, посвященные данной проблеме в сочинениях различных авторов, наподобие работ Ю. Семикиной, О. Постнова, Е. Шимановой, Н. Афанасьевой, Н. Битковой, И. Канунниковой, Т. Куркиной, В. Лебедевой, О. Левушкиной, Н. Махиной, А. Неминушего, И. Ничипорова, Е. Фроловой, Т. Печерской, Т. Розановой, О. Романовской, С. Рудаковой, Т. Усачевой, Б. Човича, Т. Швецов и др.

Вместе с тем анализ истории вопроса показал, что исследование по *теории танатологических мотивов*, систематизирующее научный опыт в данной области, до сих пор не осуществлялось. Особенностью нашей работы является также включение литературоведческой танатологии в контекст гуманитарной танатологии в целом, активное использование идей других наук о человеке: антропологии, психологии, социологии, философии, религиоведения, культурологии и т. д. Принцип междисциплинарности и дополнительности – еще один фактор актуальности данного исследования – завершает обоснование и его *научной новизны*.

Целью настоящей книги является теоретическое осмысление проблем семантики, репрезентации и функционирования танатологических мотивов в художественной литературе.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие *задачи*:

1) определить место литературоведческой танатологии в современной научной (прежде всего гуманитарной) танатологии и в современном литературоведении;

2) наметить основные этапы развития литературоведческой танатологии в контексте развития танатологии (в том числе гуманитарной) в целом;

3) очертить круг целей и задач, структуру и объектно-предметную сферу литературоведческой танатологии;

4) опираясь на уже существующие танатологические и литературоведческие работы, сформировать терминологический аппарат для теоретического осмысления танатологических проблем в литературе;

5) описать специфику танатологических мотивов по сравнению с другими литературными элементами;

6) классифицировать танатологические мотивы по различным (литературоведческим и танатологическим) критериям;

7) исследовать закономерности формирования семантики танатологических элементов и ее репрезентации;

8) проанализировать связь танатологических мотивов с бессознательными механизмами воздействия художественного текста на читателя, с архетипическими и мифологическими смыслами;

9) выделить структурные компоненты танатологических мотивов (предикаты, актанты, сирконстанты) и определить их роль в формировании семантики и поэтики литературного произведения;

10) рассмотреть функции танатологических мотивов в организации нарратива, темпорального порядка и структуры сюжета художественного текста;

11) охарактеризовать взаимодействие танатологических элементов с различными художественными парадигмами (родами литературы, типами организации художественной речи, жанрами, типами поэтик, направлениями, национальными литературами и т. д.);

¹ Очевидно, что слово «танатологические» выглядит избыточным: точнее было бы сказать «танатические», ведь относительно антипода Танатоса – Эроса – свободно образуется прилагательное «эротический». Вместе с тем подобный казус, свидетельствующий о лингвистических причудах русского языка, наблюдается и в психологии, где часто смешиваются лексемы «психический» и «психологический». Заметим, что здесь также накладываются друг на друга понятия науки и ее объекта (общая психология – психология индивида), и адъектив, по всей видимости, образуется именно от второго термина.

12) выявить особенности эстетического оформления танатологических элементов в контексте различных эстетических категорий, модусов художественности (реального и ирреального, изобразимого и неизобразимого, возвышенного и низменного, трагического и комического, прекрасного и безобразного и др.);

13) указать некоторые прагматические свойства танатологических мотивов, их способность влиять на читателя, на литературный быт, на общество.

Таким образом, *объектом* изучения в работе выступают танатологические мотивы в художественной литературе. В свете указанных выше теоретических и практических трудов они в широком смысле предстают *любыми элементами художественного текста (танатологическими элементами), повторяющимися на уровне одного произведения или творчества в целом одного или нескольких писателей, в узком – устойчивыми минимальными значимыми предикативными структурными семиотическими компонентами художественного текста, обладающими танатологической семантикой* (см. подробнее 1.3). *Предмет* исследования – особенности и закономерности в сфере их семантики, репрезентации, поэтики, функционирования и прагматики.

Различные задачи в работе решались с помощью различных *методов*. В основе исследования в целом лежит *семиотический* подход, его терминология и установки, разработанные Ч. С. Пирсом, Ф. де Соссюром, Ч. Моррисом, Р. Бартом, Ю. Лотманом, У. Эко и др. Танатологические элементы предстают как знаки, обладающие семантическим, синтактическим, прагматическим, парадигматическим аспектами, планом содержания и планом выражения.

Часто используется *структурный* метод. С одной стороны, танатологический мотив понимается нами как разноплановая структура, дихотомически соединяющая в себе инвариант и его вариации, означающее и означаемое, предикаты, актанты и сирконстанты. С другой – с помощью указанного метода анализируется структура значения танатологических мотивов. Также данные элементы включаются в структурные отношения более высокого порядка – на уровне нарратива, сюжета, текста. Изучение их роли в произведении как системе, где каждый компонент выполняет определенные функции и занимает определенное место, свидетельствует о применении *функционального* подхода. При использовании этих взаимосвязанных методологий мы опирались на труды А. Веселовского, В. Шкловского, В. Проппа, Б. Малиновского, Л. Теньера, Р. Барта, К. Леви-Стросса, Ю. Лотмана, У. Эко, А. Мустайоки и др. Проблемы *нарративного анализа* решались с помощью идей Б. Успенского, М. Бахтина, Ж. Женетта, Ф. Штанцеля, П. Рикера, В. Шмида, В. Тюпы и др.

В некоторых местах, в частности в параграфе 2.2, используются тесно связанные со структурным методом приемы *психоанализа, аналитической психологии и мифопоэтики*, направленные на выявление бессознательных установок и символических смыслов, стоящих за художественными образами танатологического характера. Здесь мы апеллировали к работам З. Фрейда, К. Г. Юнга, И. Нейфельда, И. Ермакова, Н. Осипова, Э. Фромма, В. Топорова, Е. Мелетинского и др.

Однородные функции танатологических элементов в структуре произведения позволяют группировать эти элементы, сводить их в типы. *Типологический* подход – один из основных в теории литературы – является способом осмысления текстового материала, итогом аналитических и синтетических процедур. Типологизация (танатологических мотивов (предикатов), актантов, сирконстантов, их эстетического оформления) – это еще и вариант изложения исследования, определяющий его внутреннюю логику. Большой интерес для нас представлял типологический опыт в области литературоведческой танатологии Ф. Хофмана, М. Бахтина, Ю. Семикиной, А. Бабаянца и др.

Важен для нашего исследования и *герменевтический* метод, разработанный в трудах Ф. Шлейермахера, В. Дильтея, Е.-Е. Гадамера и др. С его помощью описывается история многих понятий (танатологии, Танатоса, героического и пр.), история их восприятия в различные

периоды. Проблемы рецепции художественных текстов и танатологических мотивов в них рассматривались на основе идей представителей *рецептивной эстетики* – В. Изера, Х. Яусса и др. На стыке семиотики и герменевтики осуществляется *семантический* анализ танатологических мотивов, причем не только в параграфах, посвященных семантике, но и во многих других частях работы. Ведь проблема смысла – ключевая для гуманитария, в том числе литературоведа. При изучении вопросов семантики мы обращались к работам специалистов в области лингвистики, в частности занимающихся *концептологическим* и *компонентным* анализом (Ю. Степанов, В. Маслова, А. Вежбицка, И. Кобозева, Н. Алефиренко и др.).

Принципиально важен для нас также *исторический*, точнее, *культурно-исторический*, подход при описании эволюции идей (Л. Февр, Э. Панофский, П. Сапронов и др.), а уж тем более при характеристике художественных парадигм, время от времени сменяющих друг друга (Т. Кун, Э. Курциус, Ю. Лотман, С. Бройтман, В. Тюпа, В. Малкина и др.). Относительно подобных культурно-исторических эстетических систем нами был востребован *дискурсивный* анализ М. Фуко, с его пониманием дискурса как определенного порядка, типа ограничения.

Теоретическое обобщение в работе пересекается с исследованиями «*частных случаев*». Это развернутые анализы одного произведения (2.1–2.2) или целого ряда сочинений одного автора (2.3, 2.5), предназначенных для демонстрации действенности той или иной теоретической гипотезы или поводом для ее выдвижения. В данном плане влияние на нас оказали не только социологические «case-study», но и, к примеру, книги «Предромантизм» В. Лукова [Луков 2006], «Над ее мертвым телом» Э. Бронфен [Bronfen 1993] и др.

Широкий диапазон поставленных задач и используемых методов побуждает говорить о наличии *системного* подхода в нашей работе. Танатологические мотивы рассматриваются практически на всех уровнях художественного произведения и творчества. Для этого нам пришлось давать рабочие определения почти всем теоретико-литературным понятиям. Однако подчеркнем, что специальной задачи переформулировки терминов мы перед собой не ставили. Во многих случаях мы опирались на уже существующие концепции литературоведов (лингвистов, историков и др.), предлагая свои толкования понятий на их основе.

Материалом для исследования стали различные тексты мировой литературы. Безусловно, невозможно охватить в одной работе все произведения с танатологическими мотивами, да это и не нужно, поскольку речь идет о повторяющихся элементах, объединяющихся в типологические группы. Поэтому закономерно, если кто-то не найдет в нашем сочинении упоминание какого-либо текста, на его взгляд служащий более оптимальной иллюстрацией к какому-либо теоретическому положению. У нас были свои критерии при выборе произведений для анализа и для примеров. Во-первых, это явно выраженный интерес писателя к танатологической проблематике хотя бы в данном тексте. Во-вторых, компетенция, эрудиция и кругозор автора работы, связанные прежде всего с русской литературой «серебряного века». По данной причине в исследовании не так много разборов произведений из других периодов и из других национальных литератур, как хотелось бы, а зарубежные тексты даются в переводах профессионалов. В-третьих, само понятие мотива в заглавии: оно оправдывает обращение преимущественно к диететическим нарративам прозаического типа. Тем не менее, на наш взгляд, удалось разнообразить и расширить источниковую базу работы настолько, чтобы в итоге говорить о ее репрезентативности (всего в список источников вошло 129 наименований).

Иногда используются источники и иного характера: например, для уяснения семантики танатологических мотивов при исследовании «частных случаев» мы прибегаем к помощи источников личного происхождения. В той части нашей работы, где ведется поиск методологических установок в танатологических концепциях других ученых, в материал для анализа превращаются и их труды.

Монография состоит из трех глав. В первой главе «Литературоведческая танатология в контексте гуманитарного знания» характеризуется данная область литературоведения и гума-

нитарной танатологии. В параграфе 1.1 «Становление гуманитарной танатологии» описываются этапы развития танатологического научного знания от его становления до современного диверсифицированного состояния. Особое внимание уделяется гуманитарной танатологии, ее объектно-предметной сфере, структуре и задачам. В параграфе 1.2 «Специфика литературоведческой танатологии» дается характеристика литературоведческих разработок в танатологической сфере. Прежде всего разбираются теоретические труды зарубежных и отечественных литературоведов, в которых выработаны методологические установки для анализа танатологических элементов. Формулируются также общие задачи данной области литературоведения, описывается ее намечающаяся структура. В параграфе 1.3 «Танатологические мотивы как объект изучения» определяется объектно-предметная сфера литературоведческой танатологии. Рассматриваются различные термины, используемые литературоведами при анализе танатологических элементов (тема, проблема, репрезентация, концепт, образ, мотив, сюжетная ситуация, танатология, художественный текст, произведение и пр.); обосновывается выбор понятия танатологического мотива, и выявляется его специфика. В параграфе 1.4 «Типология танатологических мотивов» предлагаются предварительные классификации данных мотивов, основанные на различных литературоведческих и танатологических критериях.

Во второй главе «Семантика и поэтика танатологических мотивов» характеризуются особенности плана содержания и плана выражения указанных элементов, а также их функционирование в более крупных литературных образованиях – нарративе, сюжете, художественных парадигмах. В каждом разделе можно найти общие теоретические рассуждения (определение понятий, типологию), выявленные из уже существующих исследований методологические установки, анализ конкретного материала. В центре внимания в параграфе 2.1 «Семантика танатологических мотивов» – структура значения танатологического мотива. Кроме того, выявляется методология семантического анализа подобных элементов, демонстрируются возможности такого анализа на примере «Рассказа о семи повешенных» Л. Андреева. Параграф 2.2 «Танатологическая архетипика и мифопоэтика» посвящен «латентным» значениям, проясняемым с помощью психоаналитического, архетипического и мифопоэтического подходов. В первую очередь рассматриваются символические смыслы, связанные с Танатосом как совокупностью бессознательных деструктивных тенденций в человеческой психике. Эти смыслы реализуются в образах архетипического и мифологического происхождения, что показывается на примере анализа баллады М. Лермонтова «Морская царевна». В параграфе 2.3 «Поэтика танатологического нарратива» изучаются функции танатологических мотивов в нарративе (сюжете) литературного произведения. Исследуется их роль в преобразовании фабулы в сюжет (нарушении темпорального порядка, создании внутритекстовой модальности), особенности их функционального месторасположения в тексте – в начале, середине, конце. Танатологические финалы как реализация сильной позиции данных мотивов разбираются на примере рассказов Ф. Сологуба.

Формулировка и специфика танатологических мотивов в целом во многом обуславливается их предикатами, которые и были на первом плане до сих пор. Следующие два раздела посвящены другим структурным компонентам мотива. В параграфе 2.4 «Танатологические актаны» рассматриваются различные инвариантные позиции, которые могут занимать танатологические персонажи. Особое внимание уделяется персонажам с танатологической номинацией, в том числе функционированию в истории мировой литературы образа оживающего мертвеца. Параграф 2.5 «Танатологические сирконстанты» посвящен обстоятельственным признакам танатологических событий. Здесь изучаются танатологические хронотопы, один из которых – хронотопный комплекс войны – анализируется на примере «Рассказов о японской войне» В. Вересаева. Намечаются и другие обстоятельственные танатологические признаки, часто выпадающие из поля зрения исследователей: способа, причины, цели, условия действия и др. Отдельно разбирается предметная сфера танатологического характера, находящаяся на

стыке актантно-сирконстантного состава. На первом плане в параграфе 2.6 «Танатологические мотивы в художественных парадигмах» – проблемы зависимости семантики и репрезентации танатологических элементов от различных систем установок и принципов: родов литературы, типов организации художественной речи, жанров, парадигм художественности (типов поэтик, направлений, течений, школ), индивидуально-авторского идиостиля, – а также дискурсов социального характера – национального (этнического), гендерного.

В третьей главе «Эстетика танатологических мотивов» изучаются особенности эстетического оформления танатологических элементов в литературе. В параграфе 3.1 «Мотив в контексте эстетических понятий» рассматриваются различные теоретические понятия, используемые для характеристики эстетических свойств художественных объектов (эстетическая категория, пафос, тип художественного содержания, тип авторской эмоциональности, тип эстетического завершения, модус художественности) и возможности их применения к танатологическим мотивам. В связи с термином «модус художественности» в параграфе 3.2 «Модальность танатологических мотивов» предлагается ввести в научный оборот категории реального и ирреального, изобразимого и неизобразимого, влияющие на характер репрезентации и танатологических элементов. На основании социально-исторического, дискурсивного анализа эстетических свойств большинство из них разделяются на две группы – возвышенные и низменные. Параграф 3.3 «Танатологические мотивы и возвышенное» посвящен репрезентации данных элементов в истории «высокой» культуры, в том числе «высокого» искусства поэзии. С ним связываются категории идиллического, сентиментального, романтического, элегического, героического, трагического/драматического и т. д. В центре внимания в параграфе 3.4 «Танатологические мотивы и низменное» – особенности эстетического оформления указанных элементов в истории «низовой» культуры, в том числе «низкой» сферы литературы. Здесь танатологические элементы исследуются в контексте категорий бытового, пошлого, незначительного, профанного, а также различных видов комического (сатиры, юмора, черного юмора, иронии, пародии, гротеска и пр.). В параграфе 3.5 «Танатологические мотивы и другие модусы художественности» анализируется прекрасное, безобразное и ужасное изображение смерти.

Все три главы завершаются «Резюме» (1.5, 2.7, 3.6), где обобщаются основные идеи, изложенные в этих главах.

Глава 1

Литературоведческая танатология в контексте гуманитарного знания

1.1. Становление гуманитарной танатологии

Термин «литературоведческая танатология», безусловно, кажется новым. Поэтому необходимо вначале включить его в широкий историко-культурный контекст, описав эволюцию танатологии как научной дисциплины, прежде всего гуманитарной. При этом мы сознательно будем избегать в данном разделе литературоведческих работ, характеристике которых посвятим отдельный параграф.

Среди современных историков, филологов и культурологов существует негласное правило: «Нет слова – нет и понятия». Подобный «семиотический радикализм» позволяет избежать спекуляций относительно «древней истории» многих терминов, которыми «удобно» обозначать явления прошлого, в том числе и истории науки, называющей такой исследовательский принцип антикваристским [Философия и методология науки 1996: 342].

Поэтому наше внимание будет сконцентрировано в первую очередь на тех исследованиях, которые стремились к институционализации танатологии, активно внедряли этот термин в научный и повседневный язык. Тем не менее нельзя не упомянуть философов и естествоиспытателей, начавших разрабатывать проблему смерти. Речь пойдет преимущественно о западной и отечественной традиции, исторически и культурно наиболее близких друг другу, хотя будет отмечаться влияние на них и восточных практик.

Специальное изучение философской танатологии не является целью нашей работы, поэтому обратим внимание лишь на ее основные концептуальные повороты².

Характер греко-римской цивилизации, воспринимавшей себя островом высокой культуры, окруженным варварами, отличавшейся особым представлением о долге и общественном поведении, обусловил различные формы ментального преодоления страха смерти. Эти формы нашли отражение в изречениях Сократа («Те, кто подлинно предан философии, заняты, по сути вещей, только одним – умиранием и смертью» [Платон 1999, «Федон»: 64])³, Эпикура («...Когда мы существуем, смерть еще не присутствует, а когда смерть присутствует, тогда мы не существуем» [Материалисты древней Греции 1955: 209]), убеждениях киников и стоиков. Отголоски танатологических идей античных мыслителей ощущаются во многих более поздних философских и даже психотерапевтических концепциях.

Проблема преодоления страха смерти была актуальна и для идеологов христианства: св. Игнатия Богоносца, св. Иустина Философа, Иоанна Дамаскина, Блаженного Августина. С одной стороны, вектор танатологических мыслей христианина изменил свое направление в сторону посмертного существования, с другой – появились идеи Страшного суда и ответственного отношения к жизни, данной Богом. Важнейшим вопросом христианской танатологии стала проблема спасения души после кончины, волновавшая, в частности, основоположника протестантизма М. Лютера. Он положил начало традиции так называемой «теологии смерти»; в ее рамках признавалась «абсолютная греховность всего рода Адама перед богом», а смерть

² Из специальных исследований, посвященных истории философской танатологии, см., например, [Choron 1967; Scherer 1979; Гагарин 2002; Иванюшкин 2011].

³ Этот постулат в том или ином виде встречается и у других философов – «Философия есть помышление о смерти» (Иоанн Дамаскин), «Философствовать – это значит учиться умирать» (М. Монтень).

понималась как «неопровержимое свидетельство богооставленности человечества, преодолеть которую не в человеческих силах, ибо возможность обрести спасение целиком определяется милостью бога» [Исаев 1991: 6].

Персонализация спасения души, индивидуализация чтения и толкования священных текстов в протестантизме привели к необратимым процессам секуляризации и рационализации ментальности. Философия Нового времени была нацелена на научное познание природных объектов с помощью наблюдения и эксперимента. В то же время данный подход оказался неприменим к доказательству посмертного существования и просто-напросто исключил его из сциентистской картины мира. Дискредитация религиозного мировоззрения привела к пониманию смерти как «стены», за которой ничего нет. Человеческая кончина превратилась в сферу интересов естественных наук, постепенно исключаясь из размышлений не только обывателей, но и философов. Материалистическое понимание смерти не предполагает наполнение ее метафизическими смыслами, в лучшем случае допуская бессмертие идей в духовном опыте человечества: «Смерть есть либо разложение органического тела, ничего не оставляющего после себя, кроме химических составных частей, образовывавших его субстанцию, либо умершее тело оставляется после себя некий жизненный принцип, нечто более или менее тождественное с душой, принцип, который переживает все живые организмы, а не только человека» [Энгельс 1987: 258].

Нельзя все же абсолютизировать процесс секуляризации в XVII–XIX вв. В это время постоянно появлялись мыслители, сомневавшиеся в непогрешимости сциентистской картины мира, пытавшиеся найти опору в христианской традиции. В том, что Б. Паскаль называл человека «мыслящим тростником», заложена глубокая мысль об ограниченности разума, главным барьером для которого является внезапная гибель. С. Кьеркегор в работе «Болезнь к смерти» (1849), развивая идеи М. Лютера, предлагает вместо 95 тезисов задуматься об одном – о смертности людей – и так определяет преимущество христианства в данном вопросе: «Христианин – единственный, кто знает, что такое смертельная болезнь. Он черпает из христианства храбрость, которой так недостает естественному человеку, – храбрость, получаемую вместе со страхом от крайней степени ужасного» [Кьеркегор 1993: 254].

Представители «философии жизни» искали опору уже не в христианстве. В концепции А. Шопенгауэра ощущается влияние буддизма: жизнь представляется как завеса, скрывающая от нас истинное бытие, которое понимается нами как небытие. Философ стремится развенчать страх личности перед исчезновением, абсолютизируя человеческое «я»: «Ужасы смерти главным образом зиждутся на той иллюзии, что с нею “я” исчезает, а мир остается. На самом же деле верно скорее противоположное: исчезает мир, а сокровенное ядро “я”, носитель и создатель того субъекта, в чьем представлении мир только и имеет свое существование, остается» [Шопенгауэр 1993: 123].

Ф. Ницше, определяя в качестве ключевого стремления человека «волю к власти», фактически видит в смерти «катализатор действия, (...) побуждающий человека напрягать все жизненные силы» [Лаврин 1993: 81]. Вместе с тем в ницшеанской теории сверхчеловечества, в противовес христианству, гибель выглядит закономерным итогом для тех, кто оказался неспособным выстоять в борьбе за жизненное пространство.

Здесь мы приближаемся к моменту возникновения танатологии и как термина, и как научной дисциплины. Безусловно, он был подготовлен многолетними размышлениями философов, исследованиями ученых, эволюцией образовательных, культурных и общественных институтов.

С определением слова «танатология» существует одна трудность. Она связана с одновременным использованием термина в медицине и гуманитарных науках. Тем интереснее процесс перехода понятия из одной дисциплины в другую, своеобразная «драматургия» изменения смысла. Чтобы понять, как и когда происходила трансформация представлений о танатологии,

необходимо проанализировать соответствующие энциклопедические и словарные определения, фрагменты научных статей и монографий, возникнувших в разное время. Нас в первую очередь будет интересовать развитие гуманитарной ветви данной дисциплины, а также танатологические исследования в России.

Можно выделить три этапа в развитии танатологии как научной дисциплины: 1) период ее возникновения и утверждения в качестве естественной науки (вторая половина XIX – первая половина XX вв.), 2) период ее трансформации в междисциплинарную науку и усиления в ней гуманитарного начала (вторая половина XX в.), 3) ее распространение в России и разработка специальных литературоведческих исследований в данной области (рубеж XX–XXI вв.).

Рассмотрим каждый из этих этапов.

Оксфордский словарь отмечает, вероятно, одно из первых употреблений слова «танатология» в 1842 г. в «Медицинском Лексиконе» Р. Данглисона (в значении «учение о смерти»); в дальнейшем оно или образованные от него лексемы использовались в справочнике по судебной медицине И. Каспера (1861 г., «танатологический раздел»), в статье Дж. Джессе в журнале «Атенеум» (1881 г., «танатологические результаты»), в работе Э. Селюса «Наблюдая за птицей» (1901 г., «танатологи») [The Oxford English Dictionary 1978, XI: 246].

В России слово «танатология» фиксируется в 1896 г. в «Большой энциклопедии»: «Танатология (греч.), учение о сущности и причинах смерти» [Большая энциклопедия 1896, XVIII: 275]. С одной стороны, определение осторожно: оно обращается к менее обязывающему слову «учение». С другой – слишком кратко: можно лишь догадываться, о каких причинах идет речь – религиозно-философских или физиологических. Примечательно, что слово «танатология» отсутствует в известном «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона (1890–1907), – это, вероятно, говорит о недостаточной распространенности данного учения в Европе (словарь издавался одновременно в Германии и России).

Вместе с тем полученные данные позволяют констатировать, что идея о танатологии как специальном учении возникает именно во второй половине XIX в. Напомним, что это было время дифференциации и профессионализации наук в русле позитивизма. Под воздействием концепции положительного накопления знаний, свободных от религиозных и метафизических «предрассудков», в данный период активно развивались естественные (медицина, физика, химия, география) и гуманитарные (история, психология, социология, филология, культурная антропология) науки.

Закономерно, что в начале XX в. приоритетным был медицинский смысл понятия. Только здесь танатология могла стать научной дисциплиной. Одним из первых над этим вопросом задумался Нобелевский лауреат в области физиологии и медицины И. Мечников⁴. В 1907 г. он публикует книгу «Этюды оптимизма», в которой центральное место занимает очерк «О естественной смерти». Для литературоведа важно и интересно, что, объясняя свое внимание к этой теме, Мечников ссылается на Л. Толстого, возмущающегося «против ученых, которые изучают разные бесполезные, по его мнению, вопросы (как, например, мир насекомых, строение тканей и клеток) и не в состоянии выяснить ни судеб человеческих, ни того, что такое смерть!» [Мечников 1987: 90]. В своей работе ученый дает «общий очерк современного положения вопроса о естественной смерти», стремясь «облегчить» ее изучение [Там же], закладывает основы геронтологии, науки о старении организма.

В 1925 г. профессор Г. Шор, ученик И. Мечникова, в монографии «О смерти человека (Введение в танатологию)» замечает: «Слово танатология не так уже чуждо нам, так как встречается в энциклопедических словарях, в иностранной литературе и в “Этюдах оптимизма”

⁴ В Оксфордском словаре упоминается книга Митчелла 1904 г., посвященная И. Мечникову, где отмечается возникновение двух научных направлений – о старении (геронтологии) и о смерти (танатологии) [The Oxford English Dictionary 1978, XI: 246].

проф. И. И. Мечникова. Это слово должно означать учение о признаках, о динамике и статике смерти» [Шор 2002: 19]. Книга Г. Шора адресована медикам, однако в ней были предприняты важные шаги для становления науки в целом: ученый создает типологию смерти («случайная и насильственная», «скоропостижная», «обычная»), образует новые слова – терминологический аппарат появившейся дисциплины («танатолог», «танатологическое мышление», «танатологические задачи», «танатогенез»). Ученый обосновывает использование новообразований: «.. Эти термины придают определенный смысл излагаемому, подчеркивая, что данный вопрос имеет то или другое отношение к танатологии в целом и к тому углу зрения, который ею должен проводиться» [Шор 2002: 19]. Здесь впервые идет речь об особом «угле зрения», который свойственен танатологии и закреплён в соответствующих терминах, иными словами – о некоей специфической методологии. Это положение мы будем развивать в дальнейшем применительно к гуманитарным наукам, в частности к литературоведению.

В заключение Г. Шор высказывает пожелание, чтобы «к разработке танатологической проблемы приступили представители различных научных дисциплин, так как только полигранная разработка этих вопросов сможет внести ясность в учение о смерти» [Там же: 260]⁵. Таким образом, он не только первым поместил слово «танатология» в заглавие своей книги, но и предсказал ее междисциплинарный характер в будущем.

В этот же период наблюдается возникновение научного интереса к проблеме смерти в психологии, конкретнее – в психоанализе. В начале 1910-х гг. в работах В. Штекеля и С. Шпильрейна появляются понятия «инстинкт смерти» и «Танатос». Но решающее значение в распространении этих терминов сыграли труды З. Фрейда, в том числе «Мы и смерть» (1915), «По ту сторону принципа наслаждения» (1920) и «Продолжение лекций по введению в психоанализ» (1933). В психоанализе инстинкт смерти (Танатос) наряду с инстинктом жизни (Эросом) – это одно из базовых бессознательных влечений человека, побуждающее его к агрессии или самоубийству. В то же время понятие «Танатос» было вписано в психоаналитическую концепцию З. Фрейда, относительно которой термин «танатология» не употреблялся.

Развитие танатологии в первой половине XX в., безусловно, было связано с Первой мировой войной. З. Фрейд считал, что это событие обнажило бессознательное влечение человека к смерти, которое так же тщательно скрывалось, как и сексуальный инстинкт: «Не лучше ли было бы вернуть смерти в действительности и в наших мыслях то место, которое ей принадлежит, и понемногу извлечь на свет наше бессознательное отношение к смерти, которое до сих пор мы так тщательно подавляли?» [Фрейд 1994а: 25]. Очевидно, что внимание к танатологическим проблемам усилилось вследствие необходимости осмысления войны и реабилитации ее участников.

Психоанализ находился на стыке рационалистской и иррационалистской картин мира. С одной стороны, внимание З. Фрейда и его сторонников было сконцентрировано на сфере бессознательного, с другой – истоки психоанализа, его методология и манера изложения изначально были связаны с позитивистской гносеологией, выявлением фактов, структуры и законов человеческой психики.

Закономерным выглядело возникновение после Первой мировой войны философской парадигмы иррационалистского характера – экзистенциализма, актуализировавшего идеи С. Кьеркегора и «философии жизни» XIX в. Одним из ключевых понятий этого направления стало понятие пограничной ситуации. Философ К. Ясперс, которого считают автором данного термина, в работе «Духовная ситуация времени» (1931) пишет: «Духовная ситуация человека возникает лишь там, где он ощущает себя в пограничных ситуациях. Там он пребывает в качестве самого себя в существовании, когда оно не замыкается, а все время вновь распадается

⁵ Об активности танатологической дискуссии в естественных науках в 1920-е гг. можно судить также по работам А. Немилова [Немилов 1923] и И. Шмальгаузена [Шмальгаузен 1926].

на антиномии» [Ясперс 1991: 322]. Другими словами, в этот момент «человеческая экзистенция познает себя как нечто безусловное» [Философский энциклопедический словарь 1997: 347], индивид освобождается от условностей повседневности и задумывается о смысле своей жизни. Наибольшее воздействие на человека оказывает ситуация перед лицом смерти, из которой формируется, согласно М. Хайдеггеру, одна из составляющих истинной «экзистенции»: «То, что надо слышать в имени “экзистенции”, когда это слово употребляется внутри мысли, осмысливающей истину бытия из нее самой, могло бы прекрасно быть названо словом “выставление”. Только мы должны будем тогда в качестве полного существа экзистенции мыслить одновременно стояние внутри открытости бытия, вынесение этого стояния внутри нее (забота) и выдерживание в предельном (бытие к смерти)» [Хайдеггер 1993: 31].

Экзистенциализм стал одним из влиятельнейших интеллектуальных течений в XX в. Его развитие продолжилось во время и после Второй мировой войны в философском и литературном творчестве А. Камю, Ж.-П. Сартра, С. де Бовуар. Можно сказать, что экзистенциализм превратился в общекультурную мировоззренческую программу, в которой важнейшее место занимают танатологические проблемы.

В конце XIX – первой половине XX вв. появляются и первые специальные научные танатологические исследования гуманитарного характера. В 1899 г. увидел свет труд Ю. Кулаковского «Смерть и бессмертие в представлениях древних греков» [Кулаковский 1899], посвященный проблемам античной ментальности. В 1920 г. выходит книга К. Клемена, историка религии, «Жизнь мертвых в религиях человечества» [Клемен 2002], где он исследует формы, топосы («места») и понимание («содержание») загробной жизни. В 1938 г. Ф. Хуземан, последователь антропософии Р. Штайнера, в монографии «Об образе и смысле смерти» [Хуземан 1997], рассматривая вопросы психологии смерти, обращает внимание на различное ее восприятие в истории: у древних египтян, персов, шумерийцев, греков, европейцев Нового времени и т. д.

Таким образом, первый этап эволюции танатологии как научной дисциплины знаменовался ее утверждением в медицине, интересом к ее проблематике в психоанализе и экзистенциализме, зарождением внимания к ней в гуманитарных дисциплинах. Эти процессы были обусловлены дифференциацией и институционализацией научного знания, реакцией на Первую мировую войну, столкновением рационалистской и иррационалистской гносеологии.

Определяющими для развития танатологии во второй половине XX в. стали последствия Второй мировой войны. Многие танатологи в сфере психологии и медицины принимали непосредственное участие в реабилитации участников боевых действий. Особенно эта служба была развита в США, где после войны началось планомерное развитие танатологии.

Главной задачей в медико-клинической сфере стало максимальное облегчение предсмертных страданий больного и в душевном, и в физиологическом плане с помощью технических, фармацевтических средств и психологических методик. Вместе с тем началось очередное этико-философское переосмысление самого феномена смерти, обусловленное спорами о проблемах эвтаназии, положении умирающего в современном обществе и т. д.

Результатом развития танатологических исследований в 1950—1960-е гг. стало возникновение целого научного сообщества, объединившего людей самых разных профессий: врачей, психиатров, психологов, философов и др. В 1959 г. прошел симпозиум «Понятие смерти и его связь с поведением человека», и тогда же был издан первый междисциплинарный труд – «Значение смерти» [Feifel 1992: 8]. Г. Фейфель, организатор симпозиума и издатель сборника, указывает на скудность систематизированного знания о смерти, называет составленную книгу «первой попыткой» рассмотреть данную сферу учеными различного профиля [The Meaning of Death 1959: VII]. Также отмечается запрет на внимание к танатологическим проблемам в обществе: «Интерес к смерти сослан на табуированную территорию, прежде занятую болезнями вроде туберкулеза или рака и темой секса» [The Meaning of Death 1959: XIV].

Книга состоит из пяти частей: «Теоретические точки зрения на смерть», «Возрастные особенности отношения к смерти», «Понятие смерти в сфере культуры и религии», «Клинические и экспериментальные изыскания», «Дискуссия» (критический обзор выдержек из опубликованных работ). В сборник входят статьи виднейших философов и ученых: К. Г. Юнга, П. Тиллиха, Г. Маркузе, В. Кауфмана, Р. Кастенбаума, Э. Шнейдмана и др. В них рассматриваются формы отношения к кончине, умиранию, скорби по умершим, их связь с религиозными и общественными ритуалами, проблемы репрезентации смерти в литературе и искусстве. Г. Фейфель выделяет три «лейтмотива» книги: «1. В основе американского мировоззрения лежат отрицание смерти и бегство от нее. Жизнь не постижима в полном смысле слова или прожита полно без честного столкновения с идеей смерти. (...) 2. Вероятно, наша научно мыслящая культура, стремящаяся измерять весь опыт внутри границ пространства и времени, не обеспечивает нас всеми необходимыми параметрами для исследования и понимания смерти. 3. Существует острая необходимость в более надежной информации и систематическом, контролируемом изучении этой области. (...) Исследование значения смерти и умирания может улучшить наше понимание индивидуального поведения и принести дополнительные плоды при анализе культур» [Ibid.: XVII–XVIII].

С тех пор в зарубежной науке, прежде всего в США, существует устойчивый междисциплинарный интерес к теме смерти. Этому способствовало создание в 1968 г. в Нью-Йорке Фонда танатологии [Гроф 1996: 23], который занимается поддержкой исследований в данной сфере, в том числе через публикацию статей танатологов в специализированных периодических изданиях: «Архивах Фонда танатологии», «Танатологическом журнале» и др. Примечателен круг дисциплин, очерченный в заметке, посвященной основанию фонда: психиатрия, медицина, религия, психология, социальные исследования, медсестринское дело, социальное обеспечение, философия, теология [Foundation of Thanatology 1969: 352].

В 1976 г. группа заинтересованных преподавателей и медиков организовала Форум образования и консультирования по вопросам смерти, который через несколько лет стал Ассоциацией образования и консультирования по вопросам смерти, или Танатологической ассоциацией (www.adec.org). Эта организация проводит ежегодные конференции, также междисциплинарного характера.

Начинается преподавание курсов по танатологии. Э. Кюблер-Росс пишет, что ее междисциплинарный курс, посвященный проблемам смерти и умирания, возник в 1965 г. на базе теологического семинара в Чикаго [Kübler-Ross 1969: 19]. В биографии Э. Кларк отмечается, что она преподавала курсы по танатологии с 1972 г. [The Thanatology Community 1992: I]. Э. Шнейдман утверждает, что в 1975 г. он получил должность первого профессора танатологии в мире [Шнейдман 2001:65].

Основополагающими танатологическими работами в конце 1960-х – начале 1970-х гг. стали книги «О смерти и умирании» (1969) Э. Кюблер-Росс и «Психология смерти» (1972) Р. Кастенбаума и Р. Айзенберга. Э. Кюблер-Росс выделяет пять психологических стадий, которые испытывает умирающий человек: отрицание и изоляция, гнев, переговоры с судьбой, депрессия, принятие [Kübler-Ross 1969: 235]. Работа «О смерти и умирании» стала бестселлером и положила начало хосписному движению во всем мире. Р. Кастенбаум и Р. Айзенберг создают своеобразную энциклопедию психологических и социологических знаний о смерти. Они очерчивают 10 направлений, актуальных для танатологических исследований того времени: психологическое, психиатрическое, социальное (социальная работа), медицинское, «частное» (документы частной жизни), художественное, государственно-правовое, религиозное, философское, «нечеловеческое» (поведение животных, биохимия смерти). Отдельные главы «Психологии смерти» посвящены проблемам понимания смерти, ее персонификации в различные эпохи, типам кончины в зависимости от ее природы (самоубийство, убийство, гибель от несчастного случая или болезни) [Kastenbaum 1972: 2–3]. Р. Кастенбаум и Р. Айзенберг дали определение

многим, казалось бы, очевидным, но ранее не систематизированным понятиям, подкрепили свои утверждения статистикой, написав книгу, доступную как для профессиональных психологов и социальных работников, так и для непрофессионалов.

Все вышеизложенные факты позволяют говорить об институционализации танатологии как научной дисциплины в 1960—1970-х гг. Возникают специальные танатологические организации, объединяющие ученых различного профиля, проводятся конференции и образовательные курсы, издаются журналы и труды систематизирующего характера. Особенность танатологии в США, конечно же, в первую очередь определялась и определяется конкретной практической задачей помощи умирающему. Вместе с тем многими исследователями осознавалась значимость гуманитарного теоретического знания, нацеленного на понимание сущности смерти, использование тех или иных концепций отношения к ней, восходящих к определенным социальным и культурным практикам: историческим, субкультурным, этническим, религиозным, философским, художественным и др.

Так, например, значительным событием в сфере гуманитарной танатологии стала работа У. Шиблса «Смерть: междисциплинарный анализ» (1974), написанная по итогам семинара, проведенного автором в 1972 г. в университете Висконсина. Исследователь уделяет внимание психологическим, психиатрическим, социальным, медицинским, экономическим, биологическим аспектам феномена смерти. В то же время большая часть книги посвящена вопросам гуманитарной танатологии: критическому обзору наиболее важных с данной точки зрения философских (Эпикур, Лукреций, Марк Аврелий, экзистенциализм), теологических (Д. Филипс) и литературных (Л. Толстой, У. Шекспир, Э. Дикинсон, Д. Томас, Дж. Донн, М. Твен) концепций, проблем «искусства умирания» и изображения умирания в искусстве [Shibles 1974].

В Европе после Второй мировой войны интерес к изучению смерти также сильно вырос, но институционализации танатологии и организованной консолидации танатологов не произошло – это научное направление развивалось на уровне отдельных проектов и форумов, по инициативе конкретных исследователей. Хосписное движение ориентировалось на американскую модель и пользовалось заокеанскими концепциями и настольными книгами (например, в библиотеке психологического факультета Рурского университета в Германии большая часть литературы по танатологии англоязычная или переводная). В то же время в европейской танатологии изначально активно разрабатывался гуманитарный аспект.

В 1966 г. появляется книга В. Янкелевича «Смерть», философская в своей основе, но затрагивающая общие особенности восприятия смерти человечеством. П. Калитин во вступительном слове называет концепцию французского автора «первой в истории мировой мысли системой танатологии, или философии смерти» [Янкелевич 1999: 5]. Философ пытается разобраться в отношении человека к различным этапам кончины, каждому из которых посвящена отдельная глава: «по эту сторону смерти» – «в момент наступления смерти» – «по ту сторону смерти». Для литературоведения важно, что В. Янкелевич в своих рассуждениях постоянно опирается на творчество русских писателей: прежде всего Л. Толстого, а также И. Бунина, Л. Андреева, Ф. Достоевского и др.

В 1976 г. выходит книга Ж. Бодрийяра «Символический обмен и смерть». Созданная в ярком стиле, характерном для этого французского мыслителя, она предлагает семиотический философско-социально-политический взгляд на смерть, актуальный для капиталистического общества. Одна из ключевых идей данной работы: труд есть «отсроченная смерть» [Бодрийяр 2000: 103]. Это политэкономическая трактовка фрейдистского влечения к смерти как к исходному состоянию, разрешить которую, по мнению Ж. Бодрийяра, «символически возможно только через смерть» [Там же: 107]. По сути, речь идет о перманентном историческом подкреплении власти угрозой смерти, в современной социальной системе скрытой за воспроизводством жизни как ценности, за заработной платой и потреблением как символической дея-

тельностью одаривания и подавления. Книга Ж. Бодрийяра показала, что танатологические проблемы могут быть ключом к демифологизации властных структур и различных общественных процессов.

В 1977 г. в рамках французской историко-антропологической «Школы Анналов» публикуется работа Ф. Арьеса «Человек перед лицом смерти». В русле истории ментальностей смерть предстает «одним из коренных “параметров” коллективного сознания», «эталон, индикатор характера цивилизации» [Гуревич А. 1992: 6]. Ф. Арьес дает историко-психологическую классификацию отношения человека к кончине, выделяя пять танатологических моделей, приоритетных для различных эпох: «прирученная смерть», «смерть своя», «смерть далекая и близкая», «смерть твоя», «смерть перевернутая». Он также определяет круг факторов, влияющих на специфику этих моделей: «самосознание», «защита общества от дикой природы», «вера в продолжение существования после смерти», «вера в существование зла» [Арьес 1992: 496]. Ф. Арьес, как и В. Янкевич, часто использует в качестве источников произведения художественной литературы. Без преувеличения отметим, что его книга открыла новый виток в развитии гуманитарной танатологии, продемонстрировав возможности масштабного диахронного исследования танатологической семантики. Так в 1983 г. М. Вовель опубликовал еще более объемную книгу «Смерть и Запад с 1300 г. до наших дней», в которой дал свою трактовку отношения к смерти западного общества от Средневековья до современности (см. обзор этой и других работ [Гуревич А. 1989: 120–126; Изотова 2010а: 267–272]).

Конец XX – начало XXI вв. за рубежом – время многочисленных частных танатологических исследований. Ученые углубляются в анализ танатологических аспектов произведений литературы и изобразительного искусства, конкретных философских систем. Из большого количества работ в сфере гуманитарной танатологии можно выделить такие общетеоретические монографии, как «Метафоры смерти: к логике пограничного опыта» (1987) немецкого философа Т. Махо (1987) и «Эстетика смерти» (1989) швейцарского исследователя К. Харт Ниббрига. Обе книги посвящены проблеме репрезентации смерти. Основной вопрос работы Т. Махо: «О чем мы говорим, когда говорим о смерти?» [Macho 1987: 7]. Определяя смерть как «коммуникативный провал», он рассматривает способы высказывания о ней, основанные, как правило, на метафорических переносах. Эти метафорические переносы Т. Махо находит в медицинских, философских, повседневных практиках, демонстрируя всю сложность танатологических знаковых систем. К. Харт Ниббриг воспринимает кончину как «мощный вызов, брошенный эстетическому сознанию» [Харт Ниббриг 2005: 10]. Он рассматривает репрезентацию смерти в различных видах искусства (живописи, литературе, музыке), документах, источниках личного происхождения. Книги Т. Махо и К. Харта Ниббрига интересны своим вниманием к плану выражения танатологических знаков и, несомненно, расширили горизонт танатологических исследований.

С проблемой репрезентации смерти тесно связано использование в современной танатологии гендерного подхода (women's studies, gender studies). Б. Бассейн в монографии «Женщины и смерть: их связь в западной мысли и литературе» (1984) исследует различные вопросы феминистического характера. Предмет изучения в работе – ассоциации, укоренившиеся в сознании и имеющие маскулинное (мужское) происхождение: представление смерти как женщины, отношение к кончине женщины с поэтической и общественной точек зрения, ментальная связь между сексуальностью и Танатосом [Bassein 1984: IX–X]. К. Гутке в книге «Гендер смерти: история культуры в искусстве и литературе» (1999) заочно спорит с некоторыми феминистическими утверждениями: на широком художественном материале он показывает возможность репрезентации смерти через образы и мужчины, и женщины [Guthke 1999: 1–2].

Наконец, отметим, что во всем разнообразии современных гуманитарных танатологических исследований для нас важно появление литературоведческих изысканий. Основополага-

ющими в этой сфере можно назвать работы В. Кисселя [Kissel 2004], В. Казака [Kasack 2005] и А. Ханзена-Леве [Hansen-Löve 2007], о которых речь пойдет в следующем параграфе.

Таким образом, современная зарубежная танатология представляет собой достаточно дифференцированный корпус знаний. Ее гуманитарный сегмент довольно четко определен, но открыт для междисциплинарного сотрудничества. Общетеоретические работы здесь перемежаются с узконаправленными исследованиями, развивающими конкретные области знания, будь то философия, литературоведение, искусствоведение или *gender studies*.

Теперь обратимся к истории отечественной танатологии. Ее развитие было прервано в 1920-е гг. в связи с оптимистической пропагандой в Советском Союзе: «В условиях длительной доминации (...) сверхоптимистической коммунистической идеологии событие смерти вытеснялось, блокировалось, тема смерти была под негласным запретом» [Демичев 1997а: 5–6]. Танатологические исследования здесь возобновились только во второй половине XX в. и первоначально лишь в сфере медицины, что видно по определению из «Большой советской энциклопедии»: «Танатология (греч. *thanatos* – смерть и... логия), раздел медико-биологической и клинической дисциплин, который изучает непосредственные причины смерти, клиноморфологические проявления и динамику умирания (танатогенез)» [Большая советская энциклопедия 1969:252]. Философско-психологический смысл термина актуализируется лишь в конце 1980-х гг.: «Танатология (от греч. *thanatos* – смерть и... логия), учение о смерти, ее причинах, механизмах и признаках. К области танатологии относятся и проблемы облегчения предсмертных страданий больного» [Советский энциклопедический словарь 1989: 1315]. Те немногие танатологические исследования, которые увидели свет в советское время, стремились включить понятие смерти в диалектическую пару вместе с понятием жизни, в сущности отказывая танатологической проблематике в самостоятельности⁶. Первооткрывателем данной темы для советского читателя стал академик И. Фролов, посвятивший несколько своих работ проблемам жизни, смерти и бессмертия (см. [Академик Фролов 2001: 422–485]). Например, в книге «Перспективы человека: опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения» (1983) он пишет о необходимости междисциплинарного, диалектического подхода к феномену смерти: «Чрезвычайно плодотворно, мне кажется, вообще подойти к проблеме смерти не просто “с точки зрения естествознания”, дополненной эмоциональными переживаниями, или с чисто нравственно-философских позиций, пытаюсь “снять” эти переживания, а в единстве того и другого, причем с учетом не только личностных переживаний и размышлений по поводу твоей смерти как явления, относящегося именно к тебе самому, но и того, как оно отражается в другом, для которого твоя смерть является чистой рефлексией сознания и эмоций» [Фролов 2008: 280].

Рубеж XX–XXI вв. – период повышенного внимания к танатологии в России, очевидно обусловленный долгим табуированием этой проблематики⁷. Организуется Ассоциация танатологов Санкт-Петербурга (позднее – Санкт-Петербургское общество танатологических исследований), которая занимается изданием альманаха «Фигуры Танатоса» [Фигуры Танатоса 1991; 1992; 1993; 1995; 1998; Помни о смерти 2006]. Переводятся труды зарубежных авторов, публикуются оригинальные работы, в том числе в сборниках [Жизнь. Смерть. Бессмертие 1993; Смерть как феномен культуры 1994; Идея смерти 1999; Проблематика смерти в естественных и гуманитарных науках 2000; Философия о смерти и бессмертии человека 2001; Феномен смерти 2012].

Первые книги по танатологии отличались научно-популярным характером. В работах П. Гуревича [Гуревич П. 1991], А. Лаврина [Лаврин 1991; 1993], С. Рязанцева [Рязанцев 1994а;

⁶ См., например, критическую статью Ю. Давыдова о танатологических идеях З. Фрейда [Давыдов 1987].

⁷ Некоторые исследователи, наблюдающие за развитием танатологии со стороны, называют нынешний всплеск внимания к данной проблематике «танатологическим бумом», «танатоманией» [Каверина 2004: 3].

19946], В. Голубчика и Н. Тверской [Голубчик 1994] осмысливается опыт зарубежных исследований, клинический, образовательный, философский, психологический, психоаналитический, историко-антропологический и пр. Эту широту танатологических ответвлений подчеркивает С. Рязанцев: «Танатология – наука, изучающая смерть, ее причины, процесс и проявления. (...) Проблема смерти изучается не только медиками и биологами, но и этнографами: погребальные обряды и связанная с ними символика, фольклор и мифология представляют собой важное средство для понимания народных обычаев и традиций. Не чужда эта проблема и для археологов, которые на основе материальных остатков далеких эпох пытаются реконструировать характер погребений и представления древних людей о смерти и загробном мире. Многократно встречались с темой смерти историки литературы. Реальна эта проблема и для философов» [Рязанцев 1994а: 92].

Одной из сфер, где российские исследователи сразу нашли свою нишу, стала русская философская танатология. Большой вклад в осмысление не только этого вопроса, но и сущности танатологии как науки внесла статья К. Исупова «Русская философская танатология» (1994). Автор выделяет четыре волны в развитии учения о смерти: эпоху классического масонства, спиритические дискуссии времен Ф. Достоевского и Н. Федорова, эмигрантская публицистика «серебряного века», современная интеллектуальная ситуация. Философия смерти в России для него – это «философия “ответственного поступания” (М. Бахтин), “трагического историзма” (Г. Флоровский) и личностного самоопределения в мире необратимых действий» [Исупов 1994: 106]. К. Исупов проблематизирует сферу танатологического с эпистемологической точки зрения: «Танатология – это наука без объекта и без специального языка описания, ее терминологический антураж лишен направленной спецификации: слово о смерти есть слово о жизни, выводы строятся вне первоначального логического топоса проблемы, – в плане виталистского умозаключения, в контексте неизбываемой жизненности» [Там же]. О возможности решения данной проблемы – проблемы объекта и языка описания – мы поговорим в следующем параграфе, но заслуга статьи К. Исупова очевидна: он переводит российскую танатологию в другую плоскость, требуя от нее четкого определения объекта и методов изучения, т. е. классических признаков институционализации дисциплины.

Одним из основателей российской философской танатологии по праву считается А. Демичев. В своей монографии «Дискурсы смерти: Введение в философскую танатологию» он называет стратегию современной науки о смерти «собираательно-энциклопедической» [Демичев 1997а: 7] и выявляет две группы оснований для ее дальнейшего систематического развития – культурологические и философские:

«1. К культурологическим основаниям современной танатологии должно отнести следующие положения:

- совокупность символов, ритуалов, обрядов и других культурно-опознавательных знаков, выражающих достаточно определенный смысловой канон отношения к умиранию и смерти, является одним из формообразующих и типологизирующих факторов культурной идентичности;

- история западноевропейской культуры демонстрирует два основных типа “культурного оформления” смерти: деструктивный и конструктивный, мотивированные общим стремлением преодоления страха и обретения отношений свободы со смертью, но детерминированные различной корреляцией символических пространств жизни и смерти;

- “культура смерти” определяется доминированием конструктивного типа понимания и интерпретации событий смерти и умирания;

- современная постмодернистская культура тематизирует событие смерти дискурсивно-метафорическим образом, используя его потенциал негативности в качестве деконструирующего средства по отношению к смысловым доминантам и, следовательно, средства сопротивления их диктату в многоголосии текста современной культуры.

2. К философским основаниям современной танатологии, а также к основным положениям современной философской танатологии необходимо отнести следующие идеи:

- идущее от Хайдеггера различие онтологического и онтического аспектов смерти, позволяющее коррелировать интуиции непостижимого настоящего собственной смерти и репрезентации прошлого смерти другого;

- знание и принятие неизбежности, осознание позитивности и придание суверенности собственной смерти является предельным витальным основанием самоидентификации личности, выступает ориентирующим и проектирующим началом человеческой жизни, придает суверенной жизни человека образ смысловой завершенности;

- идея гармонично-полифонического сосуществования жизни и смерти, взятых в модусе аффективной событийности;

- концептуально смерть должна быть ухвачена дважды – в двух различающихся, но дополняющих друг друга образах: как образ реального телесно-вещественного прекращения жизни в пространственно-временной единице настоящего и как образ бестелесного события-аффекта, распределенного в пространственно-временном континууме прошлых и будущих состояний жизни» [Демичев 1997а: 126–127].

В итоге А. Демичев призывает к созданию «особой, гуманитарно проработанной парадигмальной сетки: философия смерти – культурология смерти – культура смерти и умирания» [Там же: 127], которая должна изменить отношение к танатологии в научном и обыденном контексте.

Докторская диссертация А. Демичева «Философские и культурологические основания современной танатологии» [Демичев 1997б] была одной из первых отечественных академических гуманитарных работ, где использовалось слово «танатология». К настоящему времени в России написано несколько десятков диссертаций, посвященных проблеме смерти, в том числе литературоведческих, однако парадоксальным образом многие из них не определяют свое место в систематическом танатологическом знании и выглядят автономными исследованиями.

Вместе с тем такие диссертации, как «Танатология: социокультурный контекст» (1997) Д. Матяша и «Трансформация феномена культа в контексте отечественной танатологии» (2004) Т. Мордовцевой, уделяют особое внимание организации танатологического дискурса. Д. Матяш рассматривает и типологизирует различные отношения к смерти в истории культуры и философии («позитивное», «негативное», мышление «о», мышление «в», мышление «к»), устанавливает зависимость социокультурных институтов от этого отношения (связь события смерти и власти), вводит понятие «архетип смерти», своими проявлениями определяющее характер культуры [Матяш 1997: 13–14]. Т. Мордовцева дает определение философской танатологии («самостоятельная отрасль знаний, в задачи которой входит системное изучение вопросов жизни и смерти, определение сущности каждого понятия и особенностей их существования как феномена культуры» [Мордовцева 2004: 6]) и танатологии в целом («научная отрасль знаний, возникшая относительно недавно, предметом изучения которой является сущность процесса смерти и умирания» [Там же: 21]). Она выделяет три основных типа понимания смерти в русской культуре: традиционный (связанный с синкретизмом мировосприятия и почитанием предков), религиозный (основанный на триаде «жизнь – смерть – бессмертие» и христианском культе святых) и светский (обусловленный страхом смерти, стремлением к социальному бессмертию, а также индивидуализацией личности) [Там же: 15–16].

Книги М. Шенкао «Основы философской танатологии» (2002) [Шенкао 2002] и «Смерть как социокультурный феномен» (2003) [Шенкао 2003] тоже созданы на основе диссертационного исследования (1999). Автор, опираясь на историко-антропологический подход, дает характеристику различных ментальных представлений о смерти: повседневных, этнических, религиозных, философских, научных. Важное место в книге занимает описание танатологиче-

ских идей жителей юга России, демонстрирующее возможности региональных исследований в данной сфере.

Указанные работы свидетельствуют не только о включении слова «танатология» в научный обиход, но и о том, что российские исследователи активно проявляют себя в деле систематизации танатологического знания, в проблематизации его предметно-объектной сферы, в определении задач дисциплины.

Об этом говорит и появление специальных статей в справочной литературе гуманитарного профиля, например в «Философском энциклопедическом словаре» (1997), энциклопедии «Культурология. XX век» (1998) и «Проективном философском словаре» (2003). В «Философском энциклопедическом словаре» стандартное⁸ определение танатологии как «учения о смерти, ее причинах, механизмах и признаках» дополняется кратким обзором психологических концепций Э. Кюблер-Росс, Р. Кастенбаума и Р. Айзенберга⁹. В качестве основных вопросов учения называются определение сущности смерти, реагирования на нее, траурного поведения, эвтаназии и т. д. [Философский энциклопедический словарь 1997: 447–448]. В других указанных изданиях дается не совсем обычная трактовка термина: «философский опыт описания феномена смерти» [Культурология 1998,1: 245], «одна из главных тем персонологии» [Тульчинский 2003: 392]. Так понятие «танатология» стало обозначать не только саму научную дисциплину, но и объект ее изучения, одновременно упрощая и усложняя ее осмысление.

Развитие российской гуманитарной танатологии сейчас входит в русло «нормальной науки», т. е., как писал историк науки Т. Кун, опирается на «достижения», признанные «определенным научным сообществом» как «основа для его дальнейшей практической деятельности» [Кун 2003: 30]. В. Варава, подводя предварительные итоги этого развития в статье «Современная российская танатология (опыт типологического описания)» (2008), характеризует сложившуюся ситуацию как «танатологический ренессанс» [Варава 2008: 61]. Он выделяет несколько направлений в отечественной танатологии: исследования в сфере эмпирической танатологии (А. Гуревич, Ю. Лотман, Ю. Смирнов, П. Калиновский, И. Вишев и др.), исследования философских аспектов смерти (М. Мамардашвили, П. Гайденко, П. Гуревич, В. Рабинович, А. Демичев, М. Уваров и др.), исследования, ориентированные на англо-американскую танатологию (Институт танатотерапии в Москве), исследования в области истории русской философии (В. Сабиров, О. Пугачев, К. Исупов и др.), художественную и эзотерическую литературу (Ю. Мамлеев, Л. Петрушевская, А. Проханов и др.)¹⁰.

Таким образом, современная гуманитарная танатология предстает вполне устоявшейся междисциплинарной областью научных исследований, решающей большое количество задач, связанных с осмыслением сущности смерти, ее причин и механизмов, изучением исторических и современных стратегий ее понимания. Уровень развития данной дисциплины в США, Европе и России отличается в силу накопленного исследовательского и практического опыта и, вероятно, вследствие национальной специфики, той или иной картины мира.

* * *

Период «нормальной науки» должен отличаться относительной ясностью таких эпистемологических компонентов дисциплины, как ее объект изучения, структура и задачи. Эти ком-

⁸ Это «стандартное» определение представляет собой перевод словарной статьи из энциклопедии «Британника» [The New Encyclopaedia Britannica 1991, XI: 672].

⁹ Свой вклад в развитие психологической танатологии (танатопсихологии) внесли такие российские ученые, как А. Баканова [Баканова 2014], В. Карандашев [Карандашев 1999], А. Налчаджян [Налчаджян 2004].

¹⁰ См. также диссертацию В. Варавы [Варава 2005]. Из других работ о современной танатологии отметим статьи В. Сабирова [Сабиров 2002] и С. Роганова [Роганов 2007], а также книгу И. Полотовской [Полотовская 2010].

поненты никогда не бывают абсолютными, даже в устоявшейся науке, но необходимо хотя бы дать им рабочие определения.

Начнем с *объекта* изучения. На первый взгляд все просто: танатология изучает смерть, ее сущность, механизмы и признаки. Вместе с тем даже естественные науки до сих пор спорят, что такое смерть: остановка сердца, гибель мозга или что-то еще¹¹. Естествоиспытателям в этом отношении легче: им достаточно договориться, при каких обстоятельствах (показателях) можно *констатировать* факт смерти. Гуманитарная танатология в большем замешательстве: она не может просто констатировать факт смерти через объяснение физических или биологических обстоятельств; ей присуща стратегия *понимания*, а следовательно, *рефлексия* и *сопереживание*. И тогда смерть предстает тайной, недоступной для человеческого познания. Р. Кастенбаум и Р. Айзенберг отмечают: «Даже высоко дисциплинированный разум может споткнуться при встрече (прямой или опосредованной) со смертью. Никакие ученые степени и профессиональные сертификаты в мире не гарантируют, что мы сможем размышлять о смерти открыто, тактично и бесстрастно» [Kastenbaum 1972: IX].

К. Исупов в статье «Русская философская танатология» смотрит на проблему объекта гуманитарной танатологии радикальным образом: «...Танатология – это наука без объекта и без специального языка описания; ее терминологический антураж лишен направленной спецификации: слово о смерти есть слово о жизни, выводы строятся вне первоначального логоса проблемы, – в плане виталистского умозаключения, в контексте неизбежаемой жизненности. Смерть не имеет собственного бытийного содержания. Она живет в истории мысли как квази-объектный фантом, существенный в бытии, но бытийной сущностью не обладающий. Танатология молчаливо разделила участь математики или утопии, чьи “объекты” – суть реальность их описания, а не описываемая реальность» [Исупов 1994: 106].

Высказывание Исупова явно провокационно. После кантианского переворота в гносеологии тенденция ограничивать человеческое знание областью «вещей-для-себя» доминирует, и современная наука в целом претендует на изучение в большей степени описания, чем реальности. Вместе с тем философом была поставлена очень важная цель определения гуманитарной танатологией своего объекта, что должно было позволить данной дисциплине повысить свое положение в России, перейти из статуса маргинального учения в ранг науки.

Здесь возникает чрезвычайно сложный вопрос о специфике взгляда на смерть в различных мировоззренческих и познавательных системах. В. Янкевич подчеркивает отличие научного подхода к объекту танатологии от религиозного: «Смерть – точка касания метаэмпирической тайны и естественного феномена; феномен летального исхода относится к компетенции науки, а сверхъестественная тайна смерти апеллирует к религии» [Янкевич 1999: 13]. Как отмечалось выше, А. Демичев разделяет культурологические и философские основания танатологии: среди первых обнаруживается дифференцированный объект изучения («совокупность культурно-опознавательных знаков», «типы “культурного оформления” смерти»), вторые представляют собой, скорее, исследовательские установки («различение онтологического и онтического аспектов смерти», «знание и принятие неизбежности, осознание позитивности и придание суверенности собственной смерти») [Демичев 1997а: 126–127]. Очевидно, что философская танатология сталкивается с проблемой статуса философии в целом: наука ли она, или метанаука, или специфическая мировоззренческая программа.

В нашем случае гуманитарная танатология (которая может быть и религиозной, и философской, и художественной) рассматривается как научная дисциплина, поэтому обратим внимание на поиск объекта в тех познавательных дискурсах, которые считаются научными или

¹¹ Приведем хотя бы одно определение смерти, составленное лингвистом, изучившим различные словарные статьи: «В большинстве словарей и энциклопедий под смертью понимается необратимое, неизбежное и естественное прекращение жизнедеятельности организма и вследствие этого – гибель индивидуума как обособленной живой системы, сопровождающаяся образованием трупа и разложением биополимеров» [Тетерина 2006: 31].

претендуют на этот статус. Значит, по В. Янкевичу, мы будем иметь дело с феноменом смерти, представлением о ней, зачастую выражаемым гуманитарными дисциплинами опосредованно, через абстрагированные понятия.

Выше уже отмечалось, что первые признаки гуманитарной танатологии появились в психоанализе. Именно здесь за объект танатологии приняли вполне конкретное явление, эксплицированное в результатах психической деятельности человека, в том числе продуктах творческого труда. Речь идет об инстинкте смерти, или Танатосе.

Сейчас уже сложно определить, кто первым употребил слово «Танатос» применительно к инстинкту смерти. Понятие «инстинкт смерти» впервые использовали В. Штекель (в 1910 г.) и С. Шпильрейн (в 1912 г.) независимо друг от друга [Решетников 1994: 9—10]. Затем, по аналогии с парой «инстинкт жизни – Эрос», была сконструирована пара «инстинкт смерти – Танатос». Согласно словарю Ж. Лапланша и Ж.-Б. Понталиса, «в текстах Фрейда термин “Танатос” не встречается, однако, по свидетельству Джонса, Фрейду случалось употреблять его устно. В психоаналитическую литературу он был введен Федерном» [Лапланш 1996: 515]. По другому мнению, авторство понятия «Танатос» принадлежит В. Штекелю [Решетников 1994: 6].

Тем не менее сегодня в научном сообществе термин «Танатос» связывается с концепцией не В. Штекеля и не С. Шпильрейна, а З. Фрейда. Он в работах «По ту сторону принципа наслаждения» (1920) и «Продолжение лекций по введению в психоанализ» (1933) изменил свою раннюю теорию о существовании сексуальных и эгоинстинктов в пользу теории о разделении всех первичных позывов на иные две группы – смерти и жизни. Влечение к смерти – это бессознательное стремление любого организма к неорганическому, «исходному состоянию». Влечение к жизни – бессознательное стремление «обеспечить организму его собственный путь к смерти» [Фрейд 1994б: 59–60], при помощи сексуальных инстинктов и инстинктов самосохранения воспрепятствовать сиюсекундному самоуничтожению индивида. В результате взаимодействия и борьбы этих типов влечений «возникают явления жизни, которым смерть кладет конец» [Фрейд 1989: 366], иначе – судьба организма. Если совокупность энергии жизни (прежде всего сексуальной) называли «либидо», то совокупность деструктивной энергии некоторые психоаналитики, например П. Федерн, обозначали терминами «деструдо» или «мортидо» [Райкрофт 1995: 40, 91].

Указанные типы влечений в совокупности образуют бессознательное человека, интенцией которого является достижение «принципа наслаждения». Суть культурологической концепции З. Фрейда заключается в том, что «принцип реальности», формируемый общественными установками, в том числе и культурой, не просто заглушает эротические позывы индивида посредством сублимации, но и контролирует позывы к смерти, способные негативно сказаться на окружающих.

Таким образом, чисто терапевтическая направленность психоанализа сменяется философско-культурологической концепцией, оправдывающей существование культуры. Не случайно З. Фрейд термину «инстинкт» предпочитал термин «влечение» (Trieb): «Влечение, в отличие от физиологического механизма инстинкта, есть некая психическая данность. Мы испытываем какое-нибудь влечение, не зная в точности о его причинах; механизм инстинкта становится нам известен в результате объективного познания. Иначе говоря, влечение есть репрезентация биологического процесса в психике, оно лежит между внесознательными физиологическими процессами и осознаваемым желанием или волевым актом. Бессознательное выступает как биологически детерминированное основание сознания, но, в отличие от чисто природного процесса, оно наделено смыслом, доступно для интерпретации (тогда как природный процесс требует не толкования, а каузального объяснения)» [История философии 1998: 197]. Следовательно, влечение можно рассмотреть как бессознательную область духа, а Танатос и Эрос – как онтологические категории. Психоанализ универсализировал эти катего-

рии, увидев в них основу человеческого бытия и его культурных воплощений. Более того, психоанализ дал посыл к поиску этих категорий в дискурсах, которые ранее считались абсолютно «прозрачными».

Одним из таких дискурсов, благодатных для психоанализа, стало мировое искусство, в частности мировая литература. Танатологические мотивы здесь интерпретируются психоаналитиками прежде всего как проявление индивидуального авторского бессознательного, его неврозов и потаенных стремлений. Данный подход отличается высокой степенью допущений, недоказанных гипотез, поэтому более продуктивным оказалось исследование коллективного бессознательного, расшифровка вневременных образов, мотивных схем и символов, восходящих к мифологии и фольклору.

Расшифровка символов культуры интересовала и З. Фрейда, в своих работах обращавшего внимание на значения снов, мифологических и фольклорных произведений. Однако лидером данного направления считается К. Г. Юнг, разработавший систему архетипов, «определенных форм в психике, которые распространены всегда и повсюду» [Юнг 2007: 12]. Коллективное бессознательное содержит в себе различные первообразы, тесно связанные с проблемой смерти, прежде всего архетипы Великой Матери и Тени, обозначающие хаотическое начало в природе и человеке.

Идеи К. Г. Юнга были развиты в русле мифологической школы, изучавшей устойчивые образы и мотивы (мифологемы), отражающиеся в культуре и восходящие к коллективному бессознательному. Такие представители этого направления, как Дж. Фрэзер, В. Топоров, Е. Мелетинский, Н. Терехин, С. Телегин, внесли большой вклад в осмысление танатологических элементов в мифологии, фольклоре, литературе, языке, сакральной географии (образов моря, острова мертвых, мотива драконоборства, эсхатологических мотивов и пр.).

Фрейдизм, юнгианство и мифологическая школа схожи в том, что признают существование бессознательных фундаментальных интенций, влияющих на человека и на продукты его деятельности. Одной из этих интенций считается влечение к смерти (Танатос), ставшее первым объектом гуманитарных танатологических исследований. Изучается данное влечение с помощью психоаналитических средств, т. е. набора интерпретационных практик, включающих смерть в круг специфических семантических «сценариев»: комплексов, архетипов, мифологем и пр. Важно отметить также, что понятие «Танатос» шире понятия смерти: оно представляет собой все многообразие деструктивных тенденций в человеке, которые необязательно приводят к кончине, но обусловлены ее горизонтом.

Интерпретационные психоаналитические практики позволяют лучше понять смысл памятников культуры, воспринимая их как знаковые системы. Следовательно, гуманитарную танатологию, в отличие от естественнонаучной, интересует не сама смерть, а ее знаки. Ю. Лотман указывает, что, только превратившись в «формализованный набор средств», идея смерти отделяется от «первичного ряда своих значений» и становится «одним из универсальных языков культуры» [Лотман Ю. 1994: 422].

Таким образом, пустота и тайна смерти как референта в культуре нивелируется. Человек и общество способны заполнить эту лакуну новыми смыслами, переносными метафорическими значениями. На первый план выходит не смерть, а ее понимание, представление о ней, отношение к ней. В исторической антропологии отношение к смерти считается «одним из коренных “параметров” коллективного сознания». Примечательно, что, как и в психоанализе, этот феномен, являясь частью ментальности, характеризуется изначальной «неосознанностью или неполной осознанностью» [Гуревич А. 1992: 6–7]. Задачей науки становится рационализация данного объекта исследования.

Отношение к смерти, идея смерти определяются как объект исследования и в современных танатологических диссертациях. Словно отвечая на радикализм К. Исупова, Д. Матяш утверждает: «Специфика философского изучения темы “смерть” состоит в том, что смерть

не может рассматриваться ни как проблема, ни как феномен. Предметом философского анализа выступает отношение к смерти» [Матяш 1997: 13]. Т. Мордовцева рассматривает в своей работе «целостный культурный образ смерти, ее идею, сущность...» [Мордовцева 2004: 3].

По-видимому, менее радикальными стали взгляды и К. Исупова. Напомним, что в энциклопедии «Культурология. XX век» он характеризует танатологию как «философский опыт описания феномена смерти» [Культурология 1998,1: 245]. Так термин получил новое, довольно неожиданное значение, закрепленное Г. Тульчинским в «Проективном философском словаре»: танатология – «одна из главных тем персонологии» [Тульчинский 2003: 392]. Подобно психологии или синтаксису, данное понятие стало обозначать не только саму научную дисциплину, но и объект ее изучения. Значит, танатология – это наука о танатологии?

Возможность такого двойственного толкования, очевидно, заложена в самом слове «танатология»: ведь его можно расшифровать и как «слово о Танатосе», и как «наука о Танатосе». Принимая справедливые замечания Исупова об описательности дисциплины, второе словосочетание можно усложнить – «наука о слове о Танатосе». Но более корректным выглядит совмещение первого и второго определений ученого: танатология – это наука об опыте осмысления феномена смерти.

Понятие «опыт» касается и формальной, и содержательной стороны танатологических знаков. Опыт – это совокупность переживаний, создающих представление о предмете; это преодоление методологической дистанции между субъектом и объектом, в результате чего отрефлектированные характеристики объекта входят в картину мира субъекта. По сути, опыт – это познание, сопряженное с процедурами интроспекции, эмпатии, понимания и объяснения.

И в то же время это результат познания, личностное знание, «знание конкретного субъекта, представляющее собой определенную содержательную систему» [Суворова 1999: 49].

О. Суворова в статье «Личностное знание о смерти: пути формирования, смысл и значение» выделяет три группы факторов, детерминирующих формирование представлений о личной смерти. Во-первых, «к их числу следует отнести общие основания становления всего неявного знания, корни которого, как показал М. Полани, – в являющемся фоном для сознания периферическом осознании тела, используемого человеком как инструмент во всех его делах с миром» [Там же]. Во-вторых, «такого рода неявные знания оказываются тесно связанными с осознаваемыми содержательными представлениями о смерти. Важным фактором формирования последних можно считать опыт встречи со смертью другого, общение с умирающим». Наконец, «необходимость усвоения факта неизбежности смерти, “примирения” с этой наиболее сложной загадкой бытия собственно и обусловила то обстоятельство, что тема смерти и посмертной судьбы человека заняла одно из важных мест во многих сферах общественного сознания, в первую очередь в религии, а также в искусстве, литературе, философии, предлагающих разнообразные объяснения смерти и соответствующие символические формы, обеспечивающие возможность опредмечивания смерти, превращения ее в феномен культуры, включения образов смерти в контекст культурного развития» [Там же: 53–54].

Перспективным, а иногда и единственно возможным, является изучение именно последнего фактора формирования представления о личной смерти – репрезентации танатологических элементов в культуре. Безусловно, речь идет не только о философской традиции, как пишет К. Исупов. Ведь из истории танатологии известно о психоаналитических, психологических, религиоведческих, литературоведческих, историко-антропологических танатологических штудиях. Следовательно, *танатология – это наука об общекультурном опыте осмысления феномена смерти.*

Возможность объединения исследований из различных наук в единую сферу танатологии может вызывать у кого-то сомнения, как вызывает сомнение существование такого междисциплинарного феномена, как культурология. Но доказательства есть. Во-первых, это апелляция представителей одних наук к другим: например, историк Ф. Арьес указывает, что

использует в своей книге идеи философа В. Янкелевича [Арьес 1992: 495]. Во-вторых, декларируемая междисциплинарность танатологических исследований. В-третьих, постепенно формирующийся специфический терминологический аппарат: «Танатос», «влечение к смерти» (В. Штекель, З. Фрейд), «смерть прирученная», «смерть своя», «смерть твоя» (В. Янкелевич, Ф. Арьес), «смерть извне», «смерть изнутри» (М. Бахтин), «танатопэтика» [Hansen-Löve 1993], «художественная танатология» [Семикина 2002], «танатэротика» [Высевков 2000], «танатография» [Танатография Эроса 1994] и др. Примечательно, что указанные понятия охватывают уже не только семантическую, но и структурную сторону танатологических знаков.

Вместе с тем очевидно, что общекультурный опыт осмысления смерти – это очень широко понятый объект исследований. Несмотря на сближение наук, происходит постоянный процесс типологизации танатологических элементов, что приводит к диверсификации объекта. Различные виды смерти в природе: смерть от болезни или несчастного случая, убийство, самоубийство – предполагают различное их восприятие в культуре. А ведь есть еще и «паратанатологические» феномены: похороны, скорбь, рефлексия о смерти или посмертном существовании. Объект исследования диверсифицируется, появляются разделы танатологии, о которых настало время поговорить.

* * *

Дисциплины-компоненты, входящие в *структуру* танатологии, должны заниматься частными вопросами, обусловленными различными аспектами объекта / предмета изучения или методологией исследования. Одна дифференциация танатологического знания уже была предложена: это условное деление на естественнонаучную и гуманитарную танатологию, а внутри данных групп на предметные области – медицинскую, психологическую, философскую, историко-антропологическую, культурологическую, литературоведческую, искусствоведческую и пр.

Другая классификация обусловлена природой смерти. На поверхности лежит разграничение насильственной и ненасильственной смерти. Ненасильственная смерть при всем ее многообразии всегда «приходит сама» в виде кончины от старости, или болезни (такую смерть называют естественной), или несчастного случая. В ней не заложено активное действие со стороны человека, а если окружающие спрашивают о более глубокой, онтологической причине кончины, то таковыми считаются природа или Бог. Насильственная смерть предполагает активность человека, причиной смерти служит он сам. В зависимости от направления деструктивного действия на себя или на других выделяются самоубийство и убийство. Эти два типа насильственной смерти имеют в культуре свои традиции восприятия и изучения.

Если общими вопросами умирания и смерти, прежде всего ненасильственной, занимается собственно танатология, то феномен самоубийства изучается *суицидологией*. Конечно, отделить суицидальный акт от проблемы смерти невозможно: самоубийство – это форма разрешения безусловности человеческой смертности, доказуемая через добровольный уход из жизни. Многие писатели-философы, например Дж. Донн или А. Радищев, отстаивали право человека на суицидальный акт как крайний способ борьбы за свое достоинство против тирании государства и даже Божественной предопределенности (см. [Суицидология 2011]). Вместе с тем, наряду с мотивом, самоубийство ставит перед человеком именно танатологические вопросы: что такое смерть, что будет после нее, предопределен ли мой последний шаг. Интересно, что А. Камю считал, что «есть лишь один поистине серьезный философский вопрос – вопрос о самоубийстве» [Камю 2001: 8], в то время как многие мыслители определяли сущность философии как «размышление о смерти» (см. выше).

Несмотря на то что встречаются суицидальные акты у животных, самоубийство считается чисто «антропологическим явлением» [Трегубов 1993: 3]. Будучи человеческим феноменом,

а не общеприродным, оно несет в себе следы человеческого целеполагания и общественных обстоятельств, поэтому легче поддается научным изысканиям.

Одним из основоположников научной суицидологии считается Э. Дюркгейм, который в работе «Самоубийство. Социологический этюд» (1897) описал социальные и внесоциальные факторы суицида, дал первую типологию актов такого рода (эгоистический, альтруистический, аномичный) [Дюркгейм 1994]¹². В данной книге суицид рассматривался с социологической точки зрения, и в дальнейшем этот подход (наряду с психологическим) стал основным в суицидологии. В самоубийстве всегда видели некую патологию, аномалию, отклонение, обусловленное потрясениями общества и личности.

Психологический подход к самоубийству развивал К. Меннингер в книге «Человек против самого себя» (1938). Последователь З. Фрейда, он уделяет особое внимание инстинкту смерти как одному из ведущих влечений в человеческой психике [Menninger 1938: 5] и характеризует такие типы самоубийств, как собственно самоубийство, хроническое (аскетизм, мученичество, неврастения, алкоголизм, антисоциальное поведение, психозы), локальное (членовредительство, симуляция, преднамеренные несчастные случаи, импотенция, фригидность) и органическое (соматические заболевания).

В 1968 г. в книге «Теория суицида» М. Фарбер продолжает разработку общей суицидальной концепции. Он предлагает формулу расчета вероятности самоубийства: $S = f(V, D)$, где S – вероятность самоубийства, f – функция, V – повышенная ранимость, D – масштаб общественных лишений [Färber 1968: 10]. Как видим, социологические и психологические исследования в данной области, с одной стороны, ориентировались на общие танатологические концепции (фрейдистская теория влечений), с другой – прибегали к методам точных наук, в частности к созданию формул и измерению (статистические данные, психологические тесты и др.).

Главной задачей суицидологии становятся меры по предотвращению самоубийств. В 1968 г. создается Американская ассоциация суицидологии (www.suicidology.org), организуются центры превенции суицидов. Основной идеолог этого движения Э. Шнейдман (как писалось выше, еще и первый профессор танатологии) в своих работах рассматривает самоубийство как один из «традиционных видов смерти» [Шнейдман 2001: 51]. Он описывает ключевые характеристики суицидальной ситуации, приводит примеры из собственной психологической практики, интересуется случаями из художественных произведений, в частности Г. Мелвилла [Shneidman 1973: 161–177]. Э. Шнейдман замечает: «Тема самоубийства пронизывает нашу литературу, занимает особое место в нашей культуре» [Шнейдман 2001: 123], – и тем самым переводит данную проблему в общекультурную плоскость.

Феномен самоубийства серьезно изучался и изучается российскими исследователями. Н. Бердяев в очерке «О самоубийстве» (1931) отмечает эпидемиологический характер суицида: «Самоубийца имеет дело не только с самим собой и насильственное уничтожение собственной жизни имеет значение не только для него одного. Самоубийца вызывает роковую решимость и в других, он сеет смерть» [Бердяев 1992: 5]. Он характеризует церковное отношение к суицидальному акту, размышляет о совмещении в нем смерти, способной стать «путем к спасению», и убийства, которое есть «чистое зло и самое страшное зло» [Бердяев 1992: 13].

В конце XX – начале XXI вв. в России вышло довольно много трудов, посвященных самоубийству. Л. Трегубов и Ю. Вагин в книге «Эстетика самоубийства» (1993) утверждают, что «самоубийство как один из аспектов человеческого поведения может быть (...) не только эстетичным вообще, не только трагичным, ужасным, безобразным и т. д., но и прекрасным» [Трегубов 1993: 46]. Они доказывают эту мысль на примере различных суицидальных актов, как индивидуальных, так и ритуальных.

¹² До Э. Дюркгейма проводились статистические исследования суицидальных актов, в том числе в России (см. [Лихачев 1882]).

И. Паперно в фундаментальном труде «Самоубийство как культурный институт» (1999) рассматривает суицид как «факт культуры» и «историческое явление». Автор не стремится объяснить, «почему люди кончают жизнь самоубийством», описать «феноменологию самоубийства», но посвящает свою работу «исследованию процесса осмысления человеческого опыта». Примечательно, что, как и в случае со смертью, самоубийство объявляется «роковой тайной», а объектом изучения – «человеческий опыт» [Паперно 1999: 5–6]. И. Паперно анализирует «отношение к суициду» в различных парадигмах: мировоззренческих (народные верования, церковь, источники личного происхождения), исторических (античность, Новое время), национальных (Европа, Россия), профессиональных (медицина, философия, социология, право, литература).

Объект суицидологии – феномен самоубийства – определяется учеными в одном ключе. Э. Дюркгейм относит к суицидальному акту «каждый смертный случай, который непосредственно или опосредованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах» [Дюркгейм 1994: 13]. М. Фарбер называет самоубийством «сознательное, намеренное и быстрое лишение себя жизни» [Färber 1968: 20], С. Аванесов – «сознательное, добровольное и целенаправленное достижение человеком смерти, осуществленное собственными силами» [Аванесов 2000: 17]. Таким образом, определяющими характеристиками суицида являются «сознательность», «намеренность» и «быстрота». Г. Чхартишвили в книге «Писатель и самоубийство» (2000) пишет: «Самоубийцей нельзя считать кита, выбрасывающегося на берег, так как его действие бессознательно. Как страстный и фанатичный христианин, совершить намеренное самоубийство не мог Гоголь, заморивший себя голодом во время Великого поста. Наконец, качество “быстроты” отличает суицид от суицидального поведения, которому подвержено большинство людей, чья профессия сопряжена с риском» [Чхартишвили 2000: 20].

Самоубийство в подавляющем большинстве религий считается самым страшным грехом, так как в нем нельзя покаяться. Как и в убийстве, тут присутствуют два элемента: субъект и объект, но они совмещены в одном сознании. Современные психологи отмечают, что «ощущение бессмертности нередко выступает как компонент переживания самоубийства» [Паперно 1999: 13].

Изучение убийства как феномена культуры не привело к созданию специального танатологического направления. В силу своей отрицательной смысловой нагрузки оно не получило развития в философской мысли. Не создана еще фундаментальная работа, наподобие книг Ф. Арьеса, М. Вовеля или И. Паперно, по проблеме восприятия убийства в истории ментальностей. *Криминология* является пока лишь юридической дисциплиной с особой практической методологией. Тесно связана с проблемой убийства *теория агрессивности (агрессология)*, характеристику которой можно найти в «Анатомии человеческой деструктивности» (1973) Э. Фромма. Он выделяет два основных направления в объяснении агрессивности: инстинктивизм (З. Фрейд, К. Лоренц) и бихевиоризм (А. Басс), спорящие о наследственной или приобретенной сущности деструктивности по отношению к другим людям [Фромм 1994: 74]. Э. Фромм отмечает, что необходимо различать виды агрессии: «биологически адаптивную», «способствующую поддержанию жизни», «доброкачественную» и «злокачественную», «не связанную с сохранением жизни» [Там же: 163]. Именно «злокачественная агрессия» приводит к уничтожению человеком себе подобных, другими словами – к убийству. Э. Фромм описывает ее подвиды: «садизм (страстное влечение к неограниченной власти над другим живым существом)» и «некрофилию (страсть к разрушению жизни и привязанность ко всему мертвому, разложившемуся, чисто механическому)» [Там же: 24]. С помощью этой терминологии немецкий исследователь характеризует исторических деятелей – Сталина и Гитлера.

В природе агрессии пытается разобраться и российский ученый А. Назаретян. В книге «Антропология насилия и культура самоорганизации» (2007) он связывает агрессию с про-

блемой всеобщей конкуренции: «Всепроникающая конкуренция за утверждение собственного существования издревле обозначалась философами как “война” (Гераклит), “мука материи” (Я. Беме), “воля к власти” (Ф. Ницше), “борьба организационных форм” (А. А. Богданов) и т. д.» [Назаретян 2007: 17]. А. Назаретян рассматривает исторические формы насилия и культурные механизмы контроля над агрессивными импульсами. В то же время в теории агрессивности нет акцента на осмыслении феномена убийства.

Убийство в человеческой культуре всегда осмыслялось с этической точки зрения – как преступление. Через умерщвление другого человека своих героев проводили, например, А. Пушкин в «Евгении Онегине» или Ф. Достоевский в «Преступлении и наказании». Очевидно, что убийство меняет человеческую сущность, как и самоубийство, но, в отличие от последнего, оставляет следы человеческой рефлексии, дает возможность понаблюдать за действующим со стороны.

Убийство также связано с таким видом человеческой деятельности, как война. Существует специальная дисциплина, изучающая психологические, социально-политические и другие аспекты данного феномена, – *полемология* (за рубежом используется также название *war studies*). В России эта тема являлась предметом исследования на чтениях в Выборге и Санкт-Петербурге, где историки, культурологи, литературоведы и пр. обсуждали различные виды источников (военная корреспонденция, мемуары, мемориалы), особенности исторических и этнических представлений о войне и т. д. [Мир и война 2005; Хронотоп войны 2007].

Из других наук, соотносимых с танатологией, следует назвать *тафологию*, которая, согласно книге В. Багдасаряна и А. Гришкова «История погребальной культуры: танатологическая семантика» (2003), изучает «все аспекты погребальной онтологии». Исследователи отмечают возможность введения в научный обиход и таких терминов, как «тафосфера» и «моросфера»: «Ступень перехода от биосферы к тафосфере, т. е. в область самой смерти, охватывающей временной период распада органических соединений, обозначается термином моросфера (от греч. морос – смерть)» [Багдасарян 2003]. В. Багдасарян и А. Гришков описывают различные периоды в истории погребальной культуры, указывают на переломный момент в ее развитии, случившийся в XVIII в. в связи с началом ее десакрализации [Там же: 143].

Примечательно, что, разрабатывая тафологические проблемы, авторы в названии книги подчеркивают, что находятся в области танатологии. Таким образом, история погребальной культуры вполне вписывается в науку о смерти вообще.

Вопросами ситуации после смерти интересуется еще одно танатологическое направление – *иммортология*, изучающая представления людей о бессмертии. Основателем иммортологии как научной дисциплины считается российский философ И. Вишев, который разрабатывает концепцию практического бессмертия человека. Свои идеи ученый основывает на анализе работ русских философов: К. Леонтьева, Н. Федорова, В. Соловьева, С. Булгакова, Н. Бердяева и др. В книгах И. Вишева подчеркивается связь иммортологии с виталогией (учением о жизни) и танатологией [Вишев 2005: 3]¹³.

Целый комплекс вопросов танатологического характера волнует *эсхатологию* – учение о конце света, хронологии и онтологии гибели мира, судьбе человечества после этого события, в том числе тех, кто умер до него. Данное учение, возможно, никогда не станет наукой, однако определяло и определяет отношение человека к индивидуальной кончине¹⁴.

Существует также ряд наук и учений, которые, скорее, занимают смежное положение по отношению к танатологии, чем входят в нее. Например, *геронтология* – наука о старении – безусловно, тесно связана с восприятием смерти. В настоящее время она имеет лишь есте-

¹³ См. также работы других исследователей по проблемам бессмертия [Токарчик 1992; Пугачев 1996; Философия о смерти и бессмертии человека 2001].

¹⁴ По данному вопросу существует довольно обширная литература, в том числе литературоведческого характера (см., например, [Кацис 2000]).

ественнонаучную направленность, хотя тема старости в культуре и истории является не менее перспективной для научных изысканий, чем тема молодости, разрабатываемая ювенологией.

Таким образом, в структуру танатологии можно включить дисциплины и учения, исследующие и осмысляющие феномены смерти и умирания (собственно танатология), самоубийства (суицидология), убийства (криминология, теория агрессивности), погребальной культуры (тафология), бессмертия (иммортология), конца света (эсхатология). Конечно, эта система сейчас выглядит неоднородной, неравномерной: одни дисциплины кажутся чисто практическими, другие – преимущественно теоретическими, третьи – лишь естественнонаучными, четвертые – только гуманитарными, даже эзотерическими. Объект указанных наук и учений тоже отличается по широте, характеру, сложности исследования.

Вместе с тем нельзя не заметить, что все эти дисциплины действительно связаны с танатологическими проблемами. Танатология для них в какой-то мере является метанаукой, способной дать ответы на большинство онтологических и экзистенциальных вопросов.

Охарактеризовав объект изучения и структуру гуманитарной танатологии, обратимся к формулировке ее *задач*.

Элементы такого целеполагания можно увидеть в материалах Национального конгресса по танатологии в Нью-Йорке в 1990 г., где были обозначены *основные проблемы науки о смерти вообще*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.